

История. Политология. Культурология

О.А. Тимофеев

ГОСУДАРСТВО КАК АКТОР В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

The author defines the most essential theoretical challenges thrown by modern world politics to the concept of state as a sovereign actor of international relations: the role of state in the agent-structure methodological dyad and diffusion of state sovereignty.

Современная мирополитическая парадигма теории международных отношений бросила два вызова традиционным представлениям о государстве как основном и неделимом акторе. Первый вызов касается представлений о государстве как о независимой переменной. Еще в 1959 г. основатель неореализма К. Уолтц в своей книге «Человек, государство и война» выделил три уровня анализа международных процессов: индивидуальный, государственный и международный. В теоретическом дискурсе индивидуальный уровень принято, вслед за Уолтцем, называть первым образом (first image), государственный – вторым (second image), а международный – третьим (third image). Спустя двадцать лет в своем ставшем классическим труде «Теория международной политики» Уолтц утверждал, что искомым является исключительно третий уровень анализа, т.е. межгосударственный, а независимая переменная, или источник изменений в мировой политике, – это структура распределения материальных факторов мощи. Таким образом, государство как целостный актор международных отношений оказалось вне фокуса интересов неореалистов, так как рассматривалось ими в качестве зависимой переменной, не способной изменить логику международной анархии. Уолтц писал в этой связи, что «для определения международной политической структуры второй уровень анализа не нужен, поскольку до тех пор, пока будет сохраняться анархия, государства будут оставаться подобными друг другу элементами (like units)»ⁱ.

Развернувшаяся в ходе «третьего большого (парадигмального) спора» критика позитивизма создала предпосылки для отказа от одного из базовых для неореализма и неолиберализма утверждений, что независимой переменной мировой политики является внеакторная по своей сути структура распределения факторов материальной мощи. Постпозитивистская парадигма открыла для всего спектра акторов эпистемиологическую возможность выступить в качестве независимой переменной мировой политики. Подобное утверждение базировалось на глубоком убеждении, что источник изменений в мировой политике может иметь социальную природу.

Данная идея получила развитие в рамках «вторых дебатов о государстве». Их участники сфокусировали дискурс на проблемах отношений между государством, с одной стороны, и надгосударственной и внегосударственной структурой мировой политики, – с другой. Утверждалось, в частности, что государство и общество не противостоят, а взаимно дополняют друг другаⁱⁱ.

Показательным является то, что идеи о подобном со-конституировании общества и государства распространились среди представителей всех трех основных парадигм в западной теории международных отношений – реализма, институционализма и конструктивизма.

Во-первых, одна из наиболее влиятельных школ либерального спектра – государственно-общественный либерализм (state-society liberalism, по определению Дж. Розенау) вводит в аналитический дискурс три фундаментальные положения:

1. Индивиды и частные группы являются фундаментальными акторами, по уровню своей активности на международной арене они часто оттесняют государства и постепенно выдвигаются на первое место в системе международных отношений. Э. Моравчик определяет такие акторы как «в целом рациональные и стремящиеся избегать рисков (risk-averse)»ⁱⁱⁱ, а Дж. Коулман уточняет, что такие акторы должны быть инкубированы политическими идентичностями (т.е. государствами или общностями) и вовлечены в политические обмены^{iv}.

2. Государство представляет в своей внешней политике институты гражданского общества, интересы которого артикулируются представителями государства; государство, таким образом, не обладает автономией по отношению к воздействию социетальных сил^v.

3. Международная политика государств формируется под влиянием сложной конфигурации взаимозависимых внутригосударственных факторов и социальных интересов^{vi}.

С другой стороны, в краеугольном для реализма дискурсе о проблемах национальной безопасности появилось ее новое – «социетальное» измерение, что стало теоретическим вкладом так называемой копенгагенской школы исследований проблем безопасности, предложившей новые подходы к проблемам нетрадиционной безопасности и по-новому характеризующие их^{vii}. В качестве участников формирования системы стабильной безопасности они выделяют правительство, гражданское общество, этнические

общности и международные структуры. В самих фундаментальных основах собственной концепции исследователи, примыкающие к копенгагенской школе, рассматривают феномен «речевого акта» в мирополитической рефлексии негосударственных акторов, придавая ему огромное значение. Они детально исследуют политику идентификации угроз, что заставляет их пристально искать ответы на следующие вопросы: создает ли речевой акт угрозу или сама угроза формирует речевой акт; имеет ли место феномен «прививания», т.е. попытки определить характер новой угрозы, связывая ее с предшествующей признанной угрозой.

Сторонники постпозитивистской парадигмы отказываются рассматривать государства как гомогенные, хаотично сталкивающиеся «бильярдные шары». Конструктивисты выдвигают альтернативное мнение: акторы взаимно формируют поведение друг друга (co-constitute). Они располагают значительной телеологической свободой по отношению к структурам, что проявляется как на субнациональном, так и на наднациональном уровнях. Вместе с тем структуры серьезно влияют на процесс взаимного формирования акторами поведения друг друга, хотя и не детерминируют его. Поведение акторов складывается под воздействием не только материальных, но и нематериальных структур – таких как верования, убеждения, восприятия и идеи. Государства – культурные сущности, способные на решительные действия в отношении внешнего мира, которому они приписывают некий смысл. Именно эта их способность и порождает социальные факты, которые зависят от согласия акторов и от создаваемых ими институтов. Говоря об институтах, конструктивисты акцентируют внимание на социальных и познавательных, а не на структурных и принудительных аспектах, понимая их как правила, нормы, культуры и другие социальные характеристики поведения акторов и международно-политической жизни. Государство и общество, по их мнению, должны рассматриваться как единый комплекс, выступающий в качестве актора мировой политики.

В этой связи в рамках конструктивизма сформировалась ставшая уже классической проблема «агент-структура», требующая ответов на вопросы, какой из этих двух элементов является независимой переменной и каковы отношения между ними – казуальные или со-конституирующие. В рамках «вторых дебатов о государстве» вопрос о государстве как о независимой переменной мировой политики был поставлен уже напрямую. А. Вендт построил системную теорию мировой политики, в которой в качестве независимой переменной рассматривал государство, а не асоциальную структуру распределения материальных факторов мощи. В основу своей теории исследователь положил конструктивистски переработанную модель Уолтца. Он выбрал третий уровень анализа и использовал понятие структуры международных отношений, но придал ему качественно иную трактовку. Под структурой международных отношений Вендт понимал уже не структуру распределения материальных факторов мощи, а структуру «общих воззрений» государств. Именно общие воззрения составляют содержание культуры международного взаимодействия, которая определяет характер и цели использования материальных факторов мощи. Логика международной анархии не имеет самостоятельного содержания, но определяется культурой взаимоотношений между акторами мировой политики, основанной на разделяемых ими воззрениях.

Международная система (мировое общество) функционирует с опорой на совокупность совместно принятых и регулирующих международную жизнь правил, ценностей и институтов. В итоге оказывается, что правила, принципы и нормы поведения конструируются самими акторами. Анархия, по Вендту, «является тем, что из нее делают государства». На вопрос об отношениях между государством (агентом) и структурой общих воззрений исследователь отвечал, что они имеют не каузальный (как в неореализме), а конституирующий характер.

Вендт утверждал, что одной из главных характеристик социального актора мировой политики является способность к интенциональному действию. Она предполагает наличие сознания, а следовательно, присуща только человеку. Чтобы рассматривать государство как актора мировой политики, Вендту пришлось наделить его некоторыми характеристиками человеческой личности. Государство, по его мнению, – это «целеполагающий (purposeful) актор, обладающий самосознанием»^{viii}.

Второй вызов, брошенный современной наукой о международных отношениях традиционным представлениям о государстве, касался одного из наиболее фундаментальных политических и правовых принципов государственностроительства – принципу верховенства национального суверенитета на территории государства.

Понятие суверенитета было введено в XVI в. французским юристом Жаном Бодэном и первоначально сохраняло связь с феодальным правом, обозначая, прежде всего, власть сюзерена в противоположность власти вассальных правителей. Согласно его определению суверенитет – это абсолютная и незыблемая власть монарха в государстве. Однако Вестфальские мирные договоры 1648 г. признали суверенные права за всеми европейскими государствами, положив, таким образом, начало современной международной системе, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства. В 1933 г. на конференции в Монтевидео (Уругвай) была разработана концепция суверенитета. Согласно Заключительной Конвенции данного форума государство для признания суверенным должно обладать следующими признаками:

- 1) наличие определенной территории;

- 2) проживающее на этой территории более или менее постоянное население;
- 3) наличие эффективно действующего правительства;
- 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами (взаимное признание суверенитета).

Авторы изданной в Англии фундаментальной Энциклопедии политики называют суверенитет одним из наиболее важных политических концептов государства, стоящих на одном уровне с такими понятиями как общество или правительство^{ix}. Российский учебник «Категории политической науки» определяет суверенитет как «независимость государства во внешних и главенство во внутренних делах»^x. Со своей стороны, полная дееспособность (omnipotence) государства связана прежде всего с укреплением и развитием суверенитета^{xi}.

Происходящие в современном мире процессы десакрализации одного из наиболее основополагающих представлений о государстве, западными исследователями обычно именуется эрозией суверенитета (erosion of sovereignty). В российской науке укоренились иные термины. Так, в частности, А.Д. Богатуров использует термин «размягчение»^{xii}, а М.М. Лебедева и П.А. Цыганков – «размывание» суверенитета, происходящее вследствие «возрастающей «проницаемости» межгосударственных границ и ослабления традиционных функций государства (особенно в сфере безопасности и социальной защиты)». По мнению последнего, государство делегирует часть своего суверенитета как наднациональным (региональным интеграционным объединениям и международным организациям), так и субнациональным (регионам и межрегиональным объединениям) структурам. Оно также испытывает давление со стороны других субъектов международных отношений: финансовых, экономических, социальных, политических^{xiii}.

Политическими предпосылками появления подобных идей стали происходящие в 90-е гг. процессы роста уровня региональной интеграции в различных регионах мира (Европа, Северная и Южная Америка, Юго-Восточная и Южная Азия, Африка), сопровождавшиеся появлением и укреплением наднациональных институтов. Как казалось многим западным исследователям, тезис о бесполезности суверенитета особенно явно подтвердился на материале стран третьего мира: многие бывшие колонии в силу экономической и политической слабости продолжали обладать суверенитетом лишь формально, на деле не имея возможности его отстаивать не только перед более сильными зарубежными государствами и крупными многонациональными корпорациями, но даже перед угрозой внутренней дестабилизации.

В 90-х гг. гипотеза эрозии суверенитета в политологии возобладала во многом и под влиянием фактора конъюнктуры. Скептическое отношение к суверенитету формировалось на фоне правления в США демократической партии (1993-2000 гг.): интеллектуальный либерализм имел возможность опереться на либерализм политический. Обрамляющей идеей возникшего аналитического комплекса стала глобализация, которая к концу правления Б. Клинтона получила статус полуофициальной внешнеполитической доктрины США.

Вместе с тем на почве изначально умеренной и либеральной школы исследований глобализации на Западе стала вырастать гораздо менее либеральная школа сторонников концепции «демократической империи». К середине первого десятилетия XXI в. она фактически заместила собой прежние исследования глобализации.

Весьма показателен тот факт, что идеи эрозии суверенитета прочно проникли в современную российскую науку о международных отношениях. Периодически те или иные исследователи выдвигают идеи о несостоятельности некоторых постсоветских государств, другой предмет анализа – успешные наднациональные структуры.

Подобные воззрения проявились, на наш взгляд, в результатах одного из наиболее успешных проектов МГИМО-Университета – в создании Политического атласа современности. При многомерном кластерном сравнении государств мира авторы учебника выделяют группу государств – несамостоятельных заморских демократических «клонов», обладающих слабой государственностью и практически лишенных какого-либо международного влияния (Сент-Китс и Невис, Тринидад и Тобаго, Содружество Багамских Островов, Коста-Рика и др.)^{xiv}.

В этот же период на Западе развернулась и критика унитарной концепции суверенитета. Диффузия понятия суверенитета велась на нескольких уровнях детализации. Ряд исследователей ограничился простым делением суверенитета на внутренний и внешний. Так, один из признанных американских государствоведов-международников Д. Лэйк говорит о внешнем (международное признание государства) и внутреннем (власть в отношении собственных граждан) лицах (external vs. internal faces) суверенитета^{xv}. Подобную градацию приводит в своих работах и ведущий британский правовед-международник Э. Лотерпахт^{xvi}.

С. Стрэндж, полагая что дилемма эрозии суверенитета может быть решена при использовании структурного подхода, выделяет два вектора диффузии суверенной власти государства в поствестфальскую эпоху развития международной системы, определяемой ею как неомедивеалистская (по определению Ф. Кратовила, подобная средневековому порядку в формирующейся системе международных отношений^{xvii}) диффузия власти, по двум векторам: вверх (upward diffusion) – от государства к международным организациям; вниз (downward diffusion):

- 1) от центральных органов власти к местным;

2) от государства как формы коллективной власти, основанной на территориальном контроле, – к транснациональным корпорациям, власть которых основана на иных источниках^{xviii}.

Наиболее детальное определение диффузии суверенитета приводит в своих работах С. Краснер, опирающийся на концепции предшественников о многослойном суверенитете (slices of sovereignty)^{xix} и суверенитете как корзине атрибутивов (basket of attributes)^{xx}. По его мнению, суверенитет государства как предмет дискурса должен быть разделен (unbundled), при этом некоторые его аспекты в обозримом будущем сохраняют свое нынешнее значение. Краснер предлагает выделять следующие составляющие государственного суверенитета:

1. Внутренний суверенитет, который имеет отношение к организации публичной власти в государстве и уровню эффективного контроля со стороны власти.

2. Суверенитет взаимозависимости как способность власти контролировать трансграничные перемещения.

3. Международно-правовой суверенитет, предусматривающий взаимное признание государств.

4. Вестфальский суверенитет, исключающий влияние внешних акторов на внутреннюю конфигурацию власти^{xxi}.

При этом вестфальская концепция суверенитета должна быть отделена от других (неизменных) его типов, основанных на внутренней власти государства, правовом статусе и возможности контролировать трансграничные потоки. Более того, предлагается и так называемая антисуверенная матрица – набор правил и институтов, способных эффективно лишать те или иные страны отдельных атрибутов суверенитета^{xxii}.

Таким образом, в начале XXI в. продолжают оставаться острые споры о месте и роли государства в современной системе международных отношений. Одним из наиболее значимых трендов развития мировой политики становится десегментация международной структуры, сопровождаемая десакрализацией суверенитета, что находит практическое подтверждение в ситуации, сложившейся в ряде регионов мира (например, в Косово, Абхазии и Южной Осетии).

ⁱ Waltz Kenneth. *Theory of International Politics*. – N.Y.: Random House, 1979. – P. 93.

ⁱⁱ Hobson John M. *The state and international relations*. – N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

ⁱⁱⁱ Moravcsik A. *Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics* // *International Organization*. – Vol. 51, No.4 (Autumn 1997). – P. 516.

^{iv} Coleman James S. *Foundations of Social Theory*. – Cambridge: Harvard University Press, 1990.

^v Moravcsik A. *Op. cit.* – P. 518.

^{vi} *Ibid.* – P. 520.

^{vii} Barnett Jon, Matthew Richard A. and O'Brien Karen L. *Global Environmental Change and Human Security: An Introduction* // *Global Environmental Change and Human Security* / ed. by Richard A. Matthew, Jon Barnett, Bryan McDonald and Karen L. O'Brien. – Cambridge: MIT Press, 2010. – P. 6.

^{viii} Wendt Alexander E. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 194.

^{ix} *Encyclopedia of Government and Politics*. Vol.1 / ed. by Mary Hawkesworth and Maurice Kogan. L.: Routledge, 1992. – P. 44.

^x Категории политической науки / под ред. А.Ю. Мельвиля. – М.: МГМО(У), 2002. – С. 271.

^{xi} Ignatieff Michael. *State Failure and Nation-Building* // *Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas*. – N.Y.: Cambridge University Press, 2003. – P. 312.

^{xii} Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // *Международные процессы*. – 2004. – № 1. – С. 19.

^{xiii} Лебедева М.М. *Мировая политика*. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 66; Цыганков П.А. *Мировая политика и ее содержание* // *Международные процессы*. – 2005. – № 1. – С. 58-59.

^{xiv} *Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. – М.: МГИМО(У), 2007. – С. 219.

^{xv} Lake David A. *The State and International Relations* // *The Oxford Handbook of International Relations* / ed. by Christian Reus-Smit and Duncan Snidal. – N.Y.: Oxford University Press, 2008. – P. 49.

^{xvi} Lauterpacht Eli. *Sovereignty – Myth or Reality* // *International Affairs*. – Vol. 73, No. 1 (January 1997). – P. 138.

^{xvii} Kratochwil F. *On Systems, Boundaries and Territoriality: An Inquiry in to the Formation of the State System* // *World Politics*. – Vol. 39, No. 1 (October 1986). – P. 27-52.

^{xviii} Strange Susan. *The Defective State* // *Daedalus*. – Vol. 124, No. 2 (Spring 1995). – P. 67-70.

^{xix} Mitrany David. *A Working Peace System* // *The Functional Theory of Politics* / ed. by D. Mitrany. – L.: St. Martin's Press, 1975. – P. 128.

^{xx} Fawler Michael R., Bunck Michael R.. *Law, Power and the Sovereign State: The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1995. – P. 93.

^{xxi} Krasner Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – P. 9.

^{xxii} *Ibid.* – P. 290.